

**КЛАССИЧЕСКОЕ
КОНФУЦИАНСТВО**

В ДВУХ ТОМАХ

**ЛУНЬ ЮЙ
МЭН-ЦЗЫ
СЮНЬ-ЦЗЫ**

Переводы, статьи, комментарии
А. С. Мартынова

**КЛАССИЧЕСКОЕ
КОНФУЦИАНСТВО**

ТОМ ПЕРВЫЙ

**КОНФУЦИЙ
ЛУНЬ ЮЙ**

Санкт-Петербург
«Издательский Дом „Нева“»
Москва
Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
2000

ББК 84.5 Кит
К 47

Оформление художника *А. Тишина*

К 47 Классическое конфуцианство: переводы, статьи, комментарии А. Мартынова и И. Зограф. В 2 т. Т. I. — СПб.: «Издательский Дом „Нева“»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2000. — 384 с. (серия «Мировое наследие»)

ISBN 5-7654-0636-X
ISBN 5-224-00933-2

ББК 84.5 Кит

В двухтомник «Классическое конфуцианство» включены тексты, оказавшие решающее влияние на формирование философской мысли Китая.

В «Лунь Юе», написанном в форме бесед Конфуция с учениками, «мудрец из Лу» излагает свое духовно-этическое учение.

КОНФУЦИЙ ЛУНЬ ЮЙ

ISBN 5-7654-0636-X
ISBN 5-224-00933-2

© А. Мартынов, перевод, вступительные статьи, комментарии, 2000
© «Издательский Дом „Нева“», 2000
© «ОЛМА-ПРЕСС», 2000

ВВЕДЕНИЕ

Десять лет назад, размышляя в своей замечательной статье «Литература в поисках реальности» над проблемами литературного метода, Лидия Гинзбург писала: «Французский реализм не стремился найти средства адекватной передачи спонтанного процесса жизни, ее нерасчлененного течения... он рационалистически обрабатывал модели действительности» [8, с. 31] (разрядка моя. — А. М.). На наш взгляд, затронутые здесь фундаментальные проблемы соотношения гуманитарного знания с реальностью, пожалуй, особенно актуальны для исторического знания в целом и для истории мысли в особенности, поскольку любая доктрина, а тем более описание этой доктрины, по словам Н. А. Бердяева, — не что иное, как «погром бытия как конкретной целостности» [3, с. 34]. Но, к сожалению, наука история до сих пор не имеет и вряд ли когда-нибудь будет иметь в своем распоряжении какие-либо иные средства для решения подобных проблем. Поэтому она волей-неволей вынуждена прибегать к «погромам» спонтанного и нерасчлененного потока жизни, которые, к счастью, совершаются только на бумаге.

Такой характер исторического знания неизбежно придает ему, мягко выражаясь, весьма относительный, достаточно субъективный и преходящий характер, что, естественно, порождает в обществен-

ном сознании вполне обоснованное и довольно стойкое недоверие к полученным таким «погромным» способом результатам. Все это, разумеется, в полной мере относится и к нашей работе, которая, конечно же, не является полным и адекватным изображением общественной и духовной жизни Древнего Китая, ибо вначале Конфуций учинил над ней «погром», выделив лишь актуальные для него моменты, затем мы проделали то же самое над доктриной Конфуция. Поэтому просим читателей относиться к нашей работе всего лишь как к изложению того понимания Конфуция и его последователей, которое сложилось у авторов за три десятилетия изучения различных сторон духовной культуры традиционного Китая. Авторы вовсе не намерены выдавать свои воззрения за «вполне научные и единственно правильные», а рассматривают их лишь как один из возможных вариантов интерпретации китайского духовного наследия.

Подготавливая эту книгу к печати, авторы исходили из твердой уверенности в том, что конфуцианскую доктрину ожидает великое будущее. Мы убеждены, что наряду с христианским учением конфуцианство в недалеком будущем станет одной из важнейших частей единой этики объединенного человечества. Оставляя в стороне политический аспект этой проблемы, отметим, что процесс образования единой этики человечества будет сопряжен с большими трудностями духовного порядка. Великие учения, может быть за исключением буддизма, плохо приспособлены к слиянию друг с другом и плохо воспринимаются извне, с позиций другого учения и другой идеологии. Конфуцианство здесь может служить одним из наиболее ярких примеров.

Общезвестно, что среди великих восточных учений и читателями, и слушателями наиболее трудно воспринимается именно конфуцианство. По нашему мнению, это объясняется двумя причинами. Первая трудность, как правило, заключается в том, что, знакомясь с конфуцианством, носитель современного европейского сознания не воспринимает его как нечто серьезное и актуальное, он попросту

не понимает, почему данное учение заслуживает названия «философия». Если нынешнее общественное сознание со времени возникновения «историзма» в XIX в. свое основное внимание направляет на неумолимые процессы развития общества и все оценивает в связи с фазами этого процесса, то людей эпохи чунь цю (период «Весны и осени», 722–481 гг. до н. э.) интересовало совсем другое. Им казалось, что важнейшей стороной общественной жизни являются конкретные человеческие взаимоотношения. Если мы рассматриваем процесс развития общества как его экономическое движение от первобытной дикости к индустриализации и постиндустриальному обществу, то мыслители периода чунь цю оценивали свое общество, время и каждый конкретный человеческий поступок как вклад в созидание или разрушение гармонии общественной жизни. Сегодня мы не склонны считать жестокость и хамство, господствующие в межчеловеческом общении в нашей стране, свидетельством подлинной дикости общества, полагая, что истинным показателем его развития является высокий технологический и научный потенциал. Однако для человека периода Чунь цю именно характер человеческого общения был определяющим. Нам даже в голову не приходит трансформировать все несовершенство нашего общения в серьезные «исторические» характеристики переживаемого времени. Мы спокойно уповали и продолжаем уповать на то, что некие всеисильные законы развития общества сами по себе вынесут нас в «светлое будущее» или по крайней мере поднимут нашу жизнь на уровень европейских стандартов. Как нам представляется, несостоятельность этой точки зрения становится все более и более очевидной. В противоположность нам современники Конфуция, озабоченные прежде всего состоянием общественной гармонии, ритуала и музыки, пристально следили за каждым общественно значимым человеческим контактом, опасаясь, как бы Поднебесная не утратила свой Путь. Кто более прав, пусть решит история. Заметим только, что исправлять мировоззрение предков — занятие бесполезное. Предки же, наоборот, могут внести весьма значительную коррекцию в односто-

кость наших представлений. Именно этим, по нашему мнению, актуальны и ценны в настоящее время заповеди древнего мудреца из княжества Лу, учение которого может существенно дополнить наше понимание окружающего мира.

Несколько слов о составе и названии книги. Мы выбрали название «Классическое конфуцианство», тем самым желая подчеркнуть, что в нашу работу включены тексты, которые на протяжении существования традиционного Китая считались основополагающими. Именно в «Лунь юе» мысль Конфуция предстает перед нами в самом живом и непосредственном виде — в общении с учениками. Но и сам «Лунь юй», что было обнаружено в процессе работы, оказался неоднородным. Прделанная работа убедила нас в правоте английского китаеведа Д. Лесли, который в качестве наиболее достоверного материала выделил в «Лунь юе» девять первых глав [83, с. 27–28]. Именно им отведено основное внимание в данной книге. Каждая из девяти глав сопровождается подробными пояснениями, которые, как мы надеемся, дадут возможность читателю легко войти в контекст первоначальной конфуцианской мысли. Остальные главы «Лунь юя», за исключением десятой, по общему мнению, не имеющей никакого отношения к конфуцианской мысли, а являющейся фиксацией различных ритуальных установлений, также переведены и снабжены краткими примечаниями.

Можно сказать, что в общем историко-философском плане у Конфуция были только два достойных продолжателя, которые развили и систематизировали наследие своего духовного Учителя. Это Мэн-цзы (372–289 гг. до н. э.) и Сюнь-цзы (313–238 гг. до н. э.). Мэн-цзы, сочинения которого были включены в средние века в состав «Сы шу» («Четверокнижия»), унаследовал гуманистическую сторону учения «совершенного мудреца» из княжества Лу и прославился своей пропагандой доктрины *жэнь чжэн* — «гуманного правления». Непрестанное духовное совершенствование, особенно тех, кто обладает властью, — один из великих заветов наиболее талантливой и глубокой продолжателя Конфуция. В центре фило-

софских исканий Сюнь-цзы оказалась другая сторона конфуцианского учения — его ориентированность на роль нормативного фактора общественной жизни, что заставляло заботиться в первую очередь о строгой выдержанности норм общественного поведения и совершенстве государственных институтов.

В отличие от великого гуманиста Мэн-цзы, Сюнь-цзы можно назвать родоначальником социологии в Китае. По нашему мнению, именно эта своеобразная триада включает в себя все то существенное, что было выработано конфуцианской духовной традицией в древности, а именно — две фундаментальные ориентации на гуманизм и нормативность, объединяемые непрерывным процессом духовного совершенствования человека.

В заключение несколько слов о вступительной статье. По нашим наблюдениям, главная трудность у тех, кто стремится освоить философское наследие Древнего и традиционного Китая, возникает не от незнания исторической обстановки или процесса эволюции философских доктрин, а из-за весьма смутного представления о значении тех основных категорий, которыми пользовалась древне-китайская философия. Поэтому во вступительную статью, которая должна способствовать вхождению читателя в конфуцианский философский контекст, мы включили ряд этюдов о фундаментальных категориях традиционной китайской мысли, таких как созидательная сила *дэ*, *жэнь* — гуманность, или человечность, *ли* — ритуал, или надлежащие правила поведения, и *вэнь* — просвещенность, или великие заветы предков, зафиксированные в письменных текстах. Таким образом, наша вводная статья делится на две части: после краткого жизнеописания Конфуция и двух разделов с общей характеристикой его учения в первой части следует вторая часть — основная, целиком посвященная наиболее важным категориям его доктрины.

Однажды, вероятно в минуту откровенности, любимый ученик Конфуция Янь Юань, вздохнув, сказал: «Чем больше я взираю снизу вверх на путь Учителя, тем выше он становится, чем больше

я стараюсь проникнуть в его учение, тем тверже оно оказывается. Когда ты идешь его впереди, оно неожиданно оказывается сзади» [9-11]. Нам остается лишь выразить надежду на то, что наши читатели не окажутся в таком положении. В противном случае они могут утешаться тем, что у них были весьма достойные предшественники.

Поскольку приводимые в нашей работе тексты отнюдь не предназначены для одноразового сплошного прочтения, то нам показалось целесообразным сохранить в данной книге традиционную китайскую разбивку не только по главам, но и по параграфам. В основу членения текста «Лунь юя» положена разбивка Ян Боцзюня [47], с помощью которой и сделаны все отсылки на текст «Лунь юя» в данной книге, что позволяет быстро найти нужное место. Например, 9-11 означает: глава 9, параграф 11. Ссылки на литературу даются по кодовой системе, список литературы приложен в конце работы.

А. Мартынов

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССИЧЕСКОЕ КОНФУЦИАНСТВО

Том первый*
Конфуций. Лунь Юй

<i>Введение</i>	7
<i>Конфуций, его жизнь и учение</i>	13
<i>Основные категории классического конфуцианства</i>	35
<i>Лунь Юй</i>	95
<i>Пояснения к главам 1–9</i>	211
<i>Примечания к главам 11–20</i>	376

* Вступительные статьи, комментарии и перевод А. С. Мартынова.